

Сектанты и их напевы в восприятии православных людей. (По материалам церковной и светской публицистики)

Александр Николаевич Розов

(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН:
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4)

***Аннотация.** В статье дан обзор материалов по указанной теме, опубликованных с середины XIX до начала XX в., когда в России наблюдается нарастание кризиса Русской православной церкви, который, в частности, проявился в повсеместном распространении сектантства. Анализируются причины массового оттока городского и сельского населения от православия. Выделена главная причина этого явления: простой народ в своем большинстве не знал основных истин христианской веры, не понимал смысл молитв и песнопений в храме, исполнявшихся на церковнославянском языке. Молитвенные собрания сектантов привлекали тем, что богослужebная литература часто читалась и комментировалась там на русском языке, наставники были хорошими проповедниками, говорившими со всеми просто и доступно. На русском языке также исполнялись псалмы и канты. В статье охарактеризованы особенности сектантских песнопений (их напевы), привлекавшие внимание православных. Подчеркивается стремление сектантов привлечь на свою сторону верующих театральностью обрядов, эмоциональным звучанием кантов и псалмов, которые возвращали слушателей к забываемой народной песенной традиции. Эти напевы производили сильное впечатление и на священников-миссионеров (Ф. Светозарова), и на светских людей (В. В. Верещагина, В. Д. Бонч-Бруевича). На основании утверждений многих миссионеров можно констатировать, что пропаганда сектантов была гораздо успешнее, чем миссионерская деятельность Церкви. Причин появления и роста сект в России очень много. Подробный их анализ выходит за рамки статьи. В данной статье рассматривается лишь один малоизученный аспект русского сектантства — эстетическое воздействие напевов на православных.*

***Ключевые слова:** Церковь, секты, священник, миссионерство, песнопения.*

***Дата поступления:** 4 июня 2023 г.*

***Дата публикации:** 25 сентября 2023 г.*

***Для цитирования:** Розов А. Н. Сектанты и их напевы в восприятии православных людей. (По материалам церковной и светской публицистики) // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 98–108.*

***DOI:** <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.008>*

С середины XIX в. и по сегодняшний день опубликовано несколько сотен разнообразных материалов по сектоведению. Это книги, статьи, очерки, заметки богословов, миссионеров, публицистов, государственных чиновников, представителей разных наук: богословия, религиоведения, культурологии, этнографии,

истории, психологии, музыковедения. Выходили в свет и нотные сборники сектантских песнопений. В последнее время по этой же теме защищено немало диссертаций.

Современные исследователи сект постоянно обращаются к трудам предшественников: И. Г. Айвазова, Н. И. Барсова, В. Д. Бонч-Бруевича, Т. И. Буткевича, Н. Г. Высоцкого, П. Добромыслова, И. М. Добротворского, Н. И. Ивановского, В. И. Кельсиева, К. Кутепова, П. И. Мельникова-Печерского, М. В. Муратова, А. С. Пругавина, Н. В. Реутского и др. Однако пока остается маловостребованным огромный материал, помещенный на страницах церковной периодики, в первую очередь в епархиальных ведомостях. В этих работах освещались вопросы по истории происхождения той или иной секты и ее нынешнего состояния, о ее организаторах, вероучении, об отношении сектантов к Православной церкви (ее культам и служителям), о взаимоотношениях сектантов с православными людьми и с представителями других сект. Многократно публиковались, нередко с комментариями, тексты псалмов, описания сектантских молитвенных собраний и обрядов и т. д. Делалось это для того, чтобы познакомить с материалами такого рода приходских сельских священников, которые могли бы успешнее бороться с сектантами.

Для противодействия распространению сектантства с 1870-х гг. Русская православная церковь создает в разных епархиях миссионерские братства, состоящие из представителей духовенства и активно верующих мирян. Среди задач такой организации были борьба с разными сектами, выработка мер по удержанию православных людей от ухода в сектантство, помощь в религиозно-нравственном воспитании православного населения. Периодически проходят миссионерские съезды: всероссийские (1887, 1891, 1897, 1908, 1917), епархиальные, благочиннические, уездные. Издаются журналы антисектантского характера: «Истина», «Миссионер» (позднее переименованный в «Православный благовестник»), «Миссионерское обозрение», «Миссионерский сборник» (Рязань) и др. В епархиальных ведомостях в специальных рубриках публикуются материалы по сектантству:

«Материалы для изучения секты шалопутов» («Кавказские епархиальные ведомости»), «Миссионерские известия при Ставропольской епархии. Еженедельный листок». Приложение к «Ставропольским епархиальным ведомостям», «Миссионерский отдел» («Тамбовские епархиальные ведомости» и «Оренбургские епархиальные ведомости») и т. д. В духовных академиях и семинариях появляются кафедры истории и обличения русского раскола и сектантства. С 1888 г. по указу Св. Синода вводятся должности епархиальных, окружных и уездных миссионеров. Периодически проводятся собеседования с православными (чтобы предотвратить их отход от Церкви) и сектантами (чтобы доказать антихристианскую сущность их учения). Организуются миссионерские курсы для мирян.

Однако многие авторы констатировали, что борьба с сектами не приносит желаемого результата. Одна из причин этого заключалась в материальной зависимости сельского священника от своих прихожан, мешающей установлению нормальных отношений между ними. Забота пастыря о хлебе насущном делала его инертным в антисектантской деятельности, для которой у него «нет времени и охоты» [Б. А. 1885, 1069].

В Докладной записке Святейшему правительствующему синоду Иннокентия, епископа Тамбовского и Шацкого, говорилось о кризисе Русской православной церкви и перечислялись необходимые пути ее преобразования, отмечалось, что большинство священников лишь формально исполняют свои обязанности и не знают и знать не хотят внутренней жизни прихода; с другой стороны, прихожане равнодушны к храму и причту. Они лишь посещают храм и исполняют обязательные требы. Во многом из-за этого растет число сектантов и раскольников [Иннокентий 1906, 156–157].

Другой причиной оттока православных людей от Церкви считалось неудовлетворительное чтение и пение в церкви. «Приходите вы в храм, — писал один автор, — вслушиваясь в то, что читается и поется, и ровным счетом ничего не понимаете. Носятся какие-то обрывки фраз, выкликаются отдельные слова, порою слышится одно гудение. Вместо пения какое-то козлогласование. Глаза

слипаются, чувствуется какой-то сонный туман. Религиозное чувство не только возбуждается, но, напротив, подавляется <...>. И становится ясным и понятным, почему народ иногда толпами устремляется в сектантство, забывая мать свою Церковь и веру отцов своих» [Церковное чтение и пение 1916, 124].

Отмечая любовь русских людей в городе и деревне к пению, предлагалось для борьбы с сектантством создавать церковные хоры, привлекая к участию в них как можно больше прихожан, учить девочек и мальчиков из церковно-приходских школ клиросному пению, вводить общее пение молитв в храме. Такое пение помогает простым людям запомнить тексты молитв, способствует пониманию ими смысла церковного богослужения, в котором они непосредственно участвуют [Общее пение, 150–155]. Священник села Костылева Челябинского уезда М. Худоносков подчеркивал, что «стройность общего пения вызывает в душе высшее чистое наслаждение. <...> Единство общего пения сказывается в душах поющих чувством церковного единства всех, чувством братской любви» [Худоносков 1902, 20]. Он же в более ранней публикации делился с читателями опытом преобразований церковной жизни в своем приходе [Худоносков 1896, 383–384]. Сначала был создан хор из мальчиков местной церковно-приходской школы; его стройное пение и правильное чтение, а также беседы священника привлекли крестьян в храм. Общее пение стало звучать и во время крестных ходов по полям, на Пасху. В приходских деревнях свои певчие, в том числе девушки и женщины. Церковные песнопения настолько полюбились прихожанами, что их стали петь, идя домой по улицам после службы в церкви или беседы.

Известный миссионер Д. И. Боголюбов рекомендовал приходским священникам для борьбы с сектантством запеть вместе с прихожанами библейские тексты в церкви, во время внебогослужебных бесед, занятий в воскресной школе. Для лучшего запоминания подобных текстов их надо положить на тот напев, который распространен в этой местности [Боголюбов 1913, 780–784].

Многие авторы, в первую очередь миссионеры и приходские священники, перечисляли причины активного

распространения сектантства со второй половины XIX в. главным образом в крестьянской среде. Назовем основные из них.

Русский крестьянин, будучи по природе глубоко религиозным, в силу своей необразованности, не знал основных истин православной веры, не понимал смысл молитв и песнопений, исполняемых в храме на церковнославянском языке, а также проповедей, которые часто не были рассчитаны на неграмотную, в большинстве случаев, аудиторию. Поэтому можно констатировать, что для простого человека православие «было чисто формальным, без осмысления его глубины» [Розов 2019, 27]. Однако у него существовала тяга к богоискательству. К. П. Победоносцев писал: «...невежественное население, не имеющее никакого понятия о вере и никакой нравственной связи с Церковью, но носящее в себе религиозные потребности, становится жертвой первого пропагандиста, приходящего с Евангелием (которое, увы! иные священники не только не умеют растолковать, но и сами хорошо не знают)» [Победоносцев 1916, 153]. Подобным невежеством умело воспользовались сектанты, молитвенные собрания которых привлекали православных людей тем, что здесь сначала исполнялись церковные песнопения, читалось и комментировалось Евангелие, часто на русском языке, другие богослужебные книги, наставники были хороши проповедниками, разговаривали с пришедшими на молебен очень просто и доступно о предмете веры и нравственности, на русском же языке все находящиеся в моленной пели красивые по мелодии «божественные» стихи, наконец, очень нравилась театрализованность молений (особенно у хлыстов), прыганья, кружения во время радения, похожие на танцы, и т. д. Не ощущая различий между церковным богослужением и собранием сектантов, крестьяне отходили от православия. Сектанты отвергали Церковь, считая, что в рукотворных храмах нет Бога, не признавали церковные таинства, обрядность и молитвы, святых и их мощи, иконы, священников и других членов клира за их мздоимство, монашество. Надо отметить, что отрицание Православной церкви, например, у хлыстов обычно происходило на скрытых от посторонних глаз молитвенных собраниях, а вне своих сборищ они всячески

демонстрировали свое усердие к православию: первыми приходили в храм и последними уходили из него, усердно молились, ставили свечки у икон, делали пожертвования, соблюдали все таинства, подходили к настоятелю за благословением и т. д. Все это, конечно, загрудняло миссионерскую деятельность священника, считавшего сектантов православными людьми.

Православных людей привлекало и то, что, в отличие от прихожан, которые, находясь в храме, не чувствовали духовную связь между собой, не участвовали в богослужении, в сектантском же молитвенном собрании все собравшиеся активно принимали участие в радении и пении псалмов, в общей трапезе. Оренбургский епархиальный миссионер М. И. Головкин отмечал, что на таком собрании хлыстов люди ощущали «особую духовную связь; они знали грехи друг друга, имели взаимную скорбь об них и в этой скорби получали взаимное утешение и радость. В результате получалась сердечная близость, душевное влечение друг к другу» [Головкин 1897, 777]. Сектанты называли каждого участника молебствия «братец» и «сестрица», обращались друг к другу «Марьюшка», «Иванушка», использовали ласкательные эпитеты «голубчик», «родной», «миленький» и т. д. Многие корреспонденты епархиальных ведомостей отмечали, что члены секты представляют собой особую общину, члены которой живут богаче православных крестьян; их дома были в селе самыми большими, чистыми и удобными, они хорошо одевались. Во многом это было следствием их аскетического образа жизни: они не пили, не курили, не отмечали популярные праздники, не пели мирские песни, не танцевали, не использовали матерных слов, строго соблюдали посты. Привлекательными для православных людей были и постоянная взаимовыручка, забота сектантов о больных, старых и бедных.

Сектантское вероучение было гораздо проще вероучения православного. Как писал один автор церковной периодики: у них «не человек для религии, а религия для человека»; здесь «все равны пред законом: кто понимает больше, тому и дается больше, а кто меньше, тот и питается млеком учения <...>».

Сектантство дает ответы на все вопросы духа человеческого, что опять-таки

привлекает людей. Сектантство потворствует людским страстям и желаниям, оно снисходительно к человеческим слабостям» [Церковное чтение и пение 1916, 119–120].

Наставники хлыстов, самой распространенной секты, старались в своих «последователях отелесить личность Христа и сделать всех богами на земле» [Б. А. 1885, 1072]. Они внушали тем, кто собрался на молитвенное собрание, что при определенных условиях, благодаря воздержанию и умерщвлению плоти каждый сектант через радение может не только спастись, но и стать носителем в себе Святого Духа, сделаться Иисусом Христом, пророком, богом, а женщина, на которую сошел Святой Дух, стать богородицей. Надо отметить, что и в других сектах женщины занимали особое положение, были гораздо более свободными и независимыми, что способствовало их отходу от православия.

Еще одной причиной, привлекавшей православных людей к сектантам, было свойственное русским крестьянам преклонение перед сильными личностями, каковыми были вожаки новых вероучений: К. Селиванов, А. Копылов, С. Уклеин, П. Катасонов и др. Нельзя не отметить и чрезмерную доверчивость к их речам: так, А. Копылов убедил всех единомышленников, что за ним во время его 40-дневного поста без воды и хлеба прилетели два ангела, отнесли его на седьмое небо для встречи с Богом, который поручил ему спасать людей [Розов 2019, 27].

П. Катасонов приходил на собрания хлыстов в сюртуке, украшенном разными золотыми и серебряными орденами, медалями и даже монетами, которыми его якобы наградил сам царь, разрешивший при личной встрече с главой хлыстов устраивать по всей России истинные «христианские общины». Кроме того, Катасонов читал «царский указ», в котором утверждалось, что он действительно Иисус Христос [Там же, 27–28].

Можно назвать и другие причины популярности сектантства. Это, во-первых, сочувствие русских людей к мученикам за веру, сидящим в тюрьме, отправленным в ссылку, поэтому многократно в церковной периодике указывалось, что «гонения против сектантов везде и всегда способствовали умножению их» [Михайловский

1874, 773]. Во-вторых, деревенские жители с любовью и доверием относились к разного рода странникам, а именно в этой роли часто выступали пропагандисты новых вероучений, легко устанавливающие контакт с собеседниками. Крестьяне любили побеседовать с образованным человеком о вере и нравственности, послушать чтение с комментариями «душеспасительной» литературы (Евангелия, Библии, жития святых, Псалтыри), а также сектантских книг и брошюр.

В русской деревне было мало общих для всех развлечений: хождение колядующих и ряженых на Рождество Христово, масленичные забавы, пасхальные и троицкие обычаи и т.д. Однако тяга к театрализованным действиям была сильной. Этим также пользовались сектанты. Например, в селе Куликово Усманского уезда Тамбовской губернии в 1860-х гг. жил крестьянин Аникита Тимофеевич Душкин, прозванный в народе Аникушей, который со временем стал выдавать себя за юродивого. Русские люди всегда почитали юродивых, считая их прорицателями, поэтому Аникушу стали почитать как богоугодного человека, более того, как Иисуса Христа. Желая убедить, что он действительно Спаситель, Аникуша неоднократно организовывал «хождение на моление», в котором играл роль Христа. Оно происходило так: «Впереди процессии шел Иоанн Креститель (Кузьма — мужчина очень высокого роста; один из почитателей Аникуши. — А. Р.) с посохом в одной руке и с большим (поддужным) колоколом — в другой; при этом он звонил в колокол. За ним, шагах в 10, шел сам Спаситель (Аникуша) и Николай Угодник (другой почитатель Аникуши: Емельян Казарочкин. — А. Р.), а за ними небольшая толпа верующих в них. Такая странная процессия, конечно, возбуждала сильное любопытство в поселениях. Едва ли не все, от мала до велика выступали из домов, посмотреть на эту торжественную и необыкновенную церемонию, посмотреть и даже помолиться на Аникушу, как на великого куликовского подвижника, а некоторые — как на Спасителя. Многие присоединялись к процессии, и вся толпа устремлялась в лес (вблизи Куликова).

Там одни искали уединения для молитвенного размышления; другие располагались группами и вели беседу о всяком вздоре. Такие процессии в продолжение весны и лета совершались неоднократно» [Замятин 1879, 8].

Корреспонденты епархиальных ведомостей, описывая молебны у разных сектантов, отмечали, что песнопения исполнялись на два напева: грустный и веселый, соответственно с содержанием песен; в первых слышится печаль, характерная для народных песен, баллад, и они поются заунывно и медленно, вызывая слезы не только у женщин, но и у мужчин; во вторых — выражается радость, и эти поются на веселый лад, сходный с народными плясовыми песнями¹. В.И. Ясевич-Бородаевская, побывавшая на молении украинских малёванцев (разновидность баптистов. — А. Р.) и прыгунов (разновидность молокан. — А. Р.), отметила, что первые приспособляют к своим псалмам мелодии, заимствованные у слепцов-кобзарей, а вторые используют мелодии народных плясовых и даже солдатских песен [Ясевич-Бородаевская 1912, 164, 263].

Участники молебнов говорили, что после пения стихов и плача «наступает необъяснимая радость, довольство и влечение. Духовная радость и любовь выражается постоянным обниманием и целованием» [Головкин 1899, 144] всех, кто собирался в доме.

Именно поэтому подобные молитвенные собрания посещались большим количеством православных людей, желающих на первых порах просто послушать пение, но потом они начинали подпевать сектантам, и постепенно, благодаря искусной пропаганде вожак сект, начинался отход прихожан от Церкви [Кальнев 1904, 372–375].

Г.П. Михайловский, первый редактор неофициального отдела «Кавказских епархиальных ведомостей», привел случай, когда в одном селе волостной старшина в сопровождении нескольких крестьян пошел на собрание местных хлыстов (шалопутов) с целью их арестовать. Однако услышанное пение настолько понравилось старшине и его спутникам, что они более двух часов были в избе

¹ Есть свидетельства, что подчас песнопения и пляски исполнялись под аккомпанемент музыкальных инструментов: балалайки и гармоники: [Малицкий 1883, 949].

и вместо ареста присутствующих «ушли, не только не причинив им никакого вреда, но и с расположением в пользу секты» [Михайловский 1874, 727–728].

Очень высоко оценивал хлыстовское пение М. В. Муратов. В статье «Песни Нового Израиля» он отмечал, что члены этой секты поют хором и во время молитвенных собраний, открытых для всех желающих, и во время работы и отдыха, в кругу семьи и в гостях. «Для них песнь не забава, а серьезное и важное дело. Пением они выражают свое стремление к Богу, и потому оно имеет для них такое же значение, как молитва» [Муратов 1914, 376]. Подобные песни, близкие по напеву и языку к народным песням, могут заменить их.

В другой статье, посвященной хлыстовским песнопениям, М. В. Муратов подчеркивал, что они также близки к фольклору [Муратов 1915, 28–29]. Наконец, в своей монографии Муратов утверждал, что песни сектантов, по своему лиризму превосходящие православные духовные стихи, «должны дать подлинное наслаждение всем, кто любит народную поэзию» [Муратов 1919, 12].

Художник В. В. Верещагин, побывавший в Закавказье на молитвенных собраниях духоборцев и молокан, дал подробное описание их богослужения. Духоборы «поют также долго и тот же заунывный и такой грустный напев, что непривычному тоскливо делается: вспоминается что-то родное, далекое... Волга и бурлаки с их песней, подобною стону... Впереди мужчин всех стоит запевало, который и начинает *вытевание* каждого псалма <...> Только запевало и, может быть, еще несколько человек при пении следят за словами, остальные же просто вторят *воем*» [Верещагин 1900, 10–11].

На молении молокан «запевало, а за ним и вся толпа начали *вытевать* (псалом. — А. Р.) под общий тон наших простонародных песен, только еще более заунывно, так следовала фраза за фразой: пресвитер выговаривал стих, остальные подхватывают его и тянут однообразно, долго, долго... Поют молокане очень громко, бабы визжат так, что пенье раздается с одного конца деревни до другого» [Там же, 30].

В свой сборник статей В. Д. Бонч-Бруевич включил две статьи, опубликованные в 1910 и 1911 гг. в журнале

«Современный мир». В первой из них — «У закавказских духоборов» он подробно описал визит членов новоизраильской общины к духоборам Тифлисской губернии. Духоборы, да и сам Бонч-Бруевич, который сопровождал сектантов, были очарованы пением гостей. «Звучный распев песни, переливы стройных голосов, как один вступавших в песнопение, чувство певцов, проникновенно звавших всех к себе, создавали высокое настроение и шевелили души людей. Сосредоточенно слушали духоборцы и были, видимо, сильно удивлены и потрясены этим никогда не слыханным пением» [Бонч-Бруевич 1922, 50]. На следующий день духоборские девушки и женщины стали разучивать услышанные вчера песнопения.

Во второй статье — «На съезд к духовным молоканам в Делижан» В. Д. Бонч-Бруевич дал очень образное описание пения сектантов: «Вот встали там... Сразу поднялось много народа... Запели... Подмывающий сильный женский голос несется в песне, идет один, сильнее других. Другие поют не для себя, а для этого главного голоса; для него они поют, для этого тоскующего, иногда пронзительного, иногда рыдающего, захлебывающегося голоса, голоса той женщины, которая стоит в середине хора. Вот она двинулась и опять стала, на всех посмотрела, обвела взором, а голос идет все шире и шире, несется он, увлекает.

И вдруг как-то ухнул стишок, точно подбросило всех; зарыдали, закружились звуки, и она, тихо покачиваясь, как бы раздавая благодать, зажмурил глаза, склонив в истоме голову, плавно идет, колышется, вздрагивает мелкой зыбью и постепенно вздымает руки к небу, все выше и выше, и кажется, растут они, эти беспомощные, трепетные руки, вырастают из нее и поднимаются, и осеняют, и благословляют. И песня вздымается из самой глубины человеческих сердец, кружится, догоняют друг друга голоса, обнимаются, сплетаются стишки и несутся беспрерывно, неумно, как волны плещущего моря... А она плывет, кругом, кругом, томная, обессиленная, просящая, и озаренное лицо ее тихо, спокойно, ласково, примиряющее и обворожительно хорошо... Затихает стишок... Падают звуки... Все реже и тише, реже и тише, и, наконец,

замерли... Полная тишина... Мертво, пусто... И, как опьяненная волшебными чарами наития духа, ослабевшая, усталая упала она, как подкошенная, на руки своим сестрам и братьям. Нежно, бережно ответли, почти отнесли ее на место, и все наперерыв хотят помочь ей, приглубить, приласкать, услужить, прикоснуться к ней... А она, усталая, смотрит кругом черными, как сливы, глазами, и взор ее помутнел, заволочен налетной дымкой... Изящным подъемом руки оправляет она выбившиеся пряди черных волос и смотрит на всех так добро, так ласково, чуть улыбаясь, вся светлая, радостная...» [Бонч-Бруевич 1922, 95–96].

После трапезы и молитвы огромная толпа сектантов, снова запев свои песни, похоже на боевые марши, двинулась по улице. Местные жители были ошеломлены этим пением. «И разнеслась молва повсюду, по всему Делижану, что приехали какие-то необыкновенные люди, которые берут людей песней своей и держат столько, сколько хотят, и от них никак нельзя уйти. И, раз только прослушал эту песню, — кончено! Она уже не отпустит тебя, так и будет стоять в ушах: и во сне, в вьяви везде она будет в тебе... “Перед песней никто устоять не может” — говорили в народе. И стали приходить люди и поодиночке и группами, стали просить “прослухать” пения сионского, а другие говорили: “дайте нам райского пения”» [Там же, 100].

Публикации В. Д. Бонч-Бруевича вышли в свет через несколько лет после подписанного 17 апреля 1905 г. Николаем II Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Этот указ способствовал необычайному подъему сектантской пропаганды, созывались съезды, стала издаваться разнообразная духовная литература, в том числе и сборники песнопений, журналы, газеты, началось строительство молитвенных домов и т. д. и т. п. Среди разных сект особенную активность проявляли баптисты.

Н. Бортовский, таврический епархиальный миссионер, писал о том, что в городах и больших селах появляется группа сектантских миссионеров. Где-то за неделю до приезда в населенный пункт

о нем извещают разноцветные афиши, распространяются листовки такого содержания: «Такого то года, месяца, дня, в таком-то часу известные проповедники NN истинного евангельского вероучения прочтут лекции по следующим вопросам веры и нравственности (перечисление). В начале, во время перерыва и в конце лекции хор евангельских христиан, под управлением NN исполнит несколько чудных гимнов и псалмов. Вход бесплатный. Возражения не допускаются. В перерыве гостям будет предложен бесплатный чай» [Бортовский 1911, 118–119]. Для совершения таких молитвенных собраний, которые предназначены для православного населения, сектанты заранее получают разрешение у местных властей. «Искусные речи проповедников, стройное пение трогательных напевов, экзальтированно произносимые молитвы, производят на присутствующих сильное, прямо потрясающее впечатление»² [Там же, 119].

Иннокентий, епископ Тамбовский, говоря о деятельности сектантских проповедников в епархии, упоминал город Борисоглебск, где баптисты действуют особенно активно, заражая православных людей своими проповедями и песнопениями. Он предложил два средства борьбы с сектантами: общее церковное пение, которое, во-первых, поддержало бы внимание молящихся во храме, во-вторых, оживило само богослужение, в-третьих, помогло усвоению истин православия. Второе средство: живая проповедь, без «книжки, без тетрадки, — слово, идущее от сердца к сердцу» [Иннокентий 1909, 1671].

Активно противостоял баптистской пропаганде священник Преображенского собора города Борисоглебска Ф. Светозаров. В начале 1910 г. он обращается к редактору неофициальной части «Тамбовских епархиальных ведомостей» И. А. Панормову, рассказывая о визите баптистов в город накануне Рождества Христова [Светозаров 1910а, 49–51]. Сюда прибыли сектанты с пресвитером из Царицына, проповедник из Казани, члены секты из Саратовской губернии. Всего вместе с хором человек тридцать. С разрешения городских властей они сняли для своих бесед

² Похожим способом привлекали как можно больше слушателей баптисты и в Херсонской епархии [Кирика 1911].

здание театра (предполагалось, что их будет восемь; Светозаров присутствовал на трех). Благодаря расклеенным по городу афишам количество горожан, пришедших в театр, все время увеличивалось, на последней беседе не хватало сидящих мест.

Когда Ф. Светозаров ходил по домам на Рождество с христославлением, то многие говорили ему о том, как хорошо было на этих беседах: там «трогательно они говорили про страдания Спасителя. У нас в церквах никто так не говорил. Все бы слушал и слушал. И чего только наши священники находят в этих словах противного Евангелию. Всех они зовут, всем обещают спасения, и все это даром, а наши батюшки и с больным-то дают св. причастие за деньги, да еще извозчика заплати! А как они до слез пели про Голгофский Крест. А чтобы Вы, батюшка, также нас собрали, да поясней бы нам указали, в чем у них разница с нами; может быть, Вы их учение укоряете из зависти» [Светозаров 1910а, 49–50].

В своем ответе И. А. Панормов рекомендовал всем священникам города Борисоглебска объединиться в своей миссионерской деятельности [Панормов 1910, 129–131].

В том же номере журнала Ф. Светозаров публикует текст своей проповеди, в которой объяснял прихожанам, что сектанты специально выбрали праздничные свободные дни для большего количества собравшихся на беседы горожан. Баптисты и православные люди, говорил он, по-разному веруют в Иисуса Христа. Если Православная церковь утверждает, что для спасения человеку, кроме веры, необходимо всю жизнь каяться, постоянно молиться, соблюдать посты, нести в себе любовь к Богу и людям, совершать добрые дела, то у баптистов добиться спасения очень легко: «почувствовал в себе призыв от Бога к вере, уверовал, — и спасен, и даже свят» [Светозаров 1910б, 53]. Баптистские речи, произносимые задушевным и сердечным тоном, подкупают слушателей, но они лживы и обманчивы.

С 1910 по 1916 г. Ф. Светозаров активно сотрудничал с «Тамбовскими епархиальными ведомостями»: более 20 публикаций, посвященных активизации миссионерской деятельности в городе Борисоглебске, тексты речей и проповедей. Очень эмоционально отразил он свое впечатление об одном баптистском

собрании, свидетелем которого был [Светозаров 1911, 1745–1758].

Вначале священник описывает помещение молельного дома и людей, пришедших сюда (человек 40–45), перечисляет тексты песнопений из печатных сборников, которые исполняли баптисты: «Взойдем на Голгофу, мой брат», «Время, как речка, течет», «Если ночь вокруг темнеет».

Далее Светозаров подробно рассказывает о хоре и его солистах. Среди хористов особо выделялись два певца: бас и дискант. «Начало каждой песни большею частью запеваля певица-дискант. К ней быстро подставляли бас, тенор, женщина-альт и другие... Начинала она петь тихо и даже как будто сонливо. Но подставшие голоса точно будили ее, точно хотели влить в нее бодрость и силу. И она усиливала свой голос. Но пела легко и свободно, тоже без всяких эффектов, своим чистым, сочным и бархатным дискантом. Лицо ее было неподвижно и устремлено в одну точку. Впечатление от ее пения получалось огромное. Оно вдобавок усиливалось от тихого, проникновенного чтения пресвитером четверостиший. Напевы были то печальные, то торжественно радостные. Прибавьте к этому ритмический строй песен, прибавьте утешительные слова песен: Христос, Его кровь, Его страдания, радость спасения и прочее, и вы не удивитесь тому, что посетитель сидит, словно очарованный и ошеломленный, особенно если он присутствует в первый раз...» [Светозаров 1911, 1752–1753]. По словам Светозарова, слушая напевы песнопений, он получал не только духовное, но и мирское наслаждение, которое возвращало его в детство, когда мать вместе с его старшими сестрами и соседками пела «Среди долины ровныя», «Как не ветер ветку клонит», «Стонет сизенький голубчик», «Незабудочка-цветочек», «Как прошли красны денечки», «Снежки белые пушисты» и др.

Понимая, что старинные песни уже уходят из репертуара народной среды, баптисты вкладывают в их напевы евангельские сюжеты.

В конце своей публикации Светозаров предлагал положить на ноты религиозно-нравственные стихи русских поэтов и исполнять их хором на внебогослужебных собеседованиях, во время общего пения в храме, во время просветительских чтений для народа. Такие песни

простой человек будет впоследствии петь и за работой, и во время досуга. И это не подражание баптистам, так как у них пение — это часть богослужения, а у православных — высокое духовное развлечение. Надо отметить, что подобный способ уже активно использовали сектанты. М. В. Муратов указывал, что представители протестантских сект (баптисты, штундисты и евангелисты) создают свои псалмы на стихи русских поэтов, таким образом, нарушается прежняя связь этих песнопений с народными песнями [Муратов 1915, 28]. О переложении в начале XX в. на ноты стихов Некрасова, Никитина, Надсона, Плещеева, Сурикова, Клюева и других поэтов пишет и А. М. Эткинд [Эткинд 2013, 62].

Как видим, сектантские тексты и напевы производили сильное эмоциональное впечатление не только на простых людей, но и на светских и церковных авторов. Во многом это связано с тем, что сектантские песнопения, в первую очередь у баптистов, привлекали слушателей как из городской, так и из сельской среды, потому что они были похожи, с одной стороны, на уходящие из быта традиционные народные песни, с другой — на популярные в конце XIX — начале XX в. романсы.

Источники и материалы

Б. А. 1885 — Б. А. К вопросу о развитии и живучести сектантства в России // ТЕВ. 1885. № 20 (15 окт.). С. 1056–1088.

Боголюбов 1913 — *Боголюбов Д. И.* Распевание текстов Св. Писания для ограждения православных от сектантских суетумудрий // ТЕВ. 1913. № 24 (15 июня). С. 780–784.

Бонч-Бруевич 1922 — *Бонч-Бруевич В.* Из мира сектантов: Сб. ст. М.: Гос. изд-во, 1922.

Бортовский 1911 — *Бортовский Н.* Штундобаптизм // Русские сектанты, их учения, культ и способы пропаганды. Братский труд членов IV Всероссийского Миссионерского Съезда / Ред. и изд. М. А. Кальнев. Одесса, 1911. С. 107–128.

Верещагин 1900 — [Верещагин] Духоборы и молокане в Закавказье. Шииты в Карабахе. Батчи о опиумо-еды в Средней Азии. Обер-Аменграу в горах Баварии. Рассказы художника В. В. Верещагина с рисунками. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900.

Головкин 1899 — *Головкин М.* Очерки Оренбургской хлыстовщины // ОЕВ. 1897. № 21 (1 нояб.). С. 775–781; 1899. № 4 (14 февр.). С. 142–150.

Русская православная церковь активно противодействовала распространению сектантства с 1870-х гг. Однако авторы публицистики в большинстве своем свидетельствовали, что борьба с сектами не приносила желаемого результата по ряду причин. Многие крестьяне и жители уездных городов, не понимая различий между церковным богослужением и молитвенными собраниями сектантов, отходили от православия. Искусные речи проповедников, стройное трогательное пение, экзальтированно произносимые молитвы, театральность — все это производило сильное впечатление на людей. Для них сектантское вероучение было намного доступнее православного.

Большое влияние на них оказывали сильные личности, так называемые вожаки новой веры. Необычайному подъему сектантской пропаганды способствовал Указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости».

Причин появления и роста сект в России очень много. В статье освещаются лишь некоторые из них, так как ее главной темой является один малоизученный аспект распространения сектантства — культурное и эстетическое воздействие напевов на православных людей.

Замятин 1879 — *Замятин И.* Аникуша: (Эпизод из истории местного раскола) // ТЕВ. 1879. № 23 (1 дек.). С. 1–11. (Прибавление к № 10).

Иннокентий 1906 — [Иннокентий]. Докладная записка Святейшему Правительствующему Синоду Иннокетия, епископа Тамбовского и Шацкого // ТЕВ. 1906. № 3 (21 янв.). С. 156–157.

Иннокентий 1909 — [Иннокентий]. Речь преосвященного Иннокетия, епископа Тамбовского, на епархиальном съезде 5 сентября сего 1909 года, по поводу распространения баптизма в Тамбовской губернии // ТЕВ. 1909. № 36 (12 сент.). С. 1665–1672.

Кальнев 1904 — *Кальнев М.* Значение молитвенных песнопений сектантов в деле пропаганды их лжеучения // МО. 1904. Сент. № 13. С. 372–375.

Кирика 1911 — *Кирика Ф.* Современные способы сектантской пропаганды // Русские сектанты, их учения, культ и способы пропаганды. Братский труд членов IV Всероссийского Миссионерского Съезда / Ред. и изд. М. А. Кальнев. Одесса, 1911. С. 311–325.

Малицкий 1883 — *Малицкий П.* Несколько слов о хлыстах // ТЕВ. 1883. № 23 (1 дек.). С. 942–963.

Михайловский 1874 — Михайловский Г. О мерах противодействия распространению шалопутской секты // КЕВ. 1874. № 23 (16 нояб.). С. 766–774.

Муратов 1914 — Муратов М. В. Песни Нового Израиля // Живая старина. 1914. Вып. 1–2. С. 373–394.

Муратов 1915 — Муратов М. В. Песни Людей Божиих // Этнографическое обозрение. Кн. CVII–CVIII. 1915. № 3–4. С. 15–61.

Общее пение 1894 — Общее пение как желательная принадлежность христианского православного богослужения // ОЕВ. 1894. № 5 (1 марта). С. 150–155. (Перепечатка из «Могилевских епархиальных ведомостей»).

Панормов 1910 — Панормов И. (протоиерей). Наш ответ на большой новогодний вопрос // ТЕВ. 1910. № 4 (28 янв.). С. 128–131.

Победоносцев 1916 — Письма К. П. Победоносцева преосвященному Иллариону, архиепископу Полтавскому // Русский архив. 1916. № 1–3. С. 129–171.

Светозаров 1910а — [Светозаров Ф.] Большой новогодний вопрос (Из письма о ректору) // ТЕВ. 1910. № 2 (9 янв.). С. 49–51.

Светозаров 1910б — Светозаров Ф. Из церковной жизни в г. Борисоглебске. Речь, произнесенная 27 дек. 1909 г. в Преображенском соборе Борисоглебска по поводу собрания баптистов в здании театра // ТЕВ. 1910. № 2 (9 янв.). С. 51–56.

Светозаров 1911 — Светозаров Ф. На моленье у баптистов. Мысли православного о борьбе с баптизмом под впечатлением виденного на их моленье // ТЕВ. 1911. № 51/52 (31 дек.). С. 1745–1758.

Худоносков 1888 — Худоносков М. Костылевская Челябинского уезда церковно-приходская школа в память 17 окт. 1888 г. // ОЕВ. 1896. № 11 (1 июня). С. 351–357; № 12 (15 июня). С. 381–387.

Худоносков 1902 — Худоносков М. К вопросу об общем церковном пении // ОЕВ. 1902. № 1 (1 янв.). С. 18–21.

Церковное чтение и пение 1915 — Церковное чтение и пение как средство борьбы с сектантством // ОЕВ. 1916. № 11–2 (16–31 марта). С. 119–128.

Ясевич-Бородаевская 1912 — Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов. СПб.: Гос. тип., 1912.

Исследования

Муратов 1919 — Муратов М. В. Русское сектантство. М., 1919.

Панченко 2002 — Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.

Розов 2019 — Розов А. Н. Традиционная культура русских сектантов на страницах епархиальных ведомостей (1860–1917 гг.) // IV Всерос. конгресс фольклористов (Тула, 1–5 марта 2018 г.): Сб. науч. ст.: В 3 т. Т. 2: Многообразие фольклорных традиций: история и современность. М.: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2019. С. 25–32.

Эткинд 2013 — Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. 2-е изд., сокр. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 62.

Список сокращений

КЕВ — Кавказские епархиальные ведомости
МО — Миссионерское обозрение
ОЕВ — Оренбургские епархиальные ведомости

ТЕВ — Тамбовские епархиальные ведомости

© А. Н. Розов, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Розов А. Н. <https://orcid.org/0000-0003-1696-3111>

Доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4; тел.: +7 (812) 328-19-01; e-mail: rosov@list.ru
